Изданіе Императорскаго Археологическаго Института
имени Императора Николая II.

№ 2.

Первый царь изъ дома Романовыхъ

Михаилъ Θеодоровичъ.

А. П. Бѣльковскій.

Подъ редакціей преподавателя Института
Н. И. Новосадскаго.

Москва.
1913.

Изданіе Императорскаго Археологическаго Института
имени Императора Николая II.

№ 2.

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ
МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ.

А. П. Бѣльковскій.

Подъ редакціей преподавателя Института
Н. И. Новосадскаго.

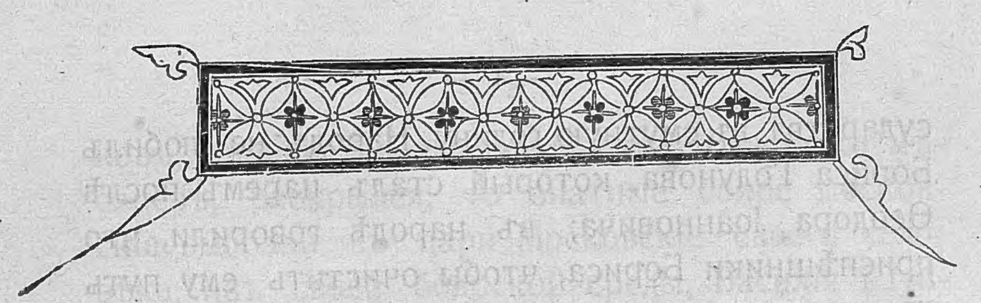
Москва.
1913.

9437

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II. 6 января 1913 года.

Директоръ Института *Александръ Успенскій.*

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ

Михаилъ Өеодоровичъ.

Исполнилось ровно триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ совершилось воцареніе на Русскомъ престолѣ дома Романовыхъ, потомкомъ которыхъ является и нынѣ царствующій Государь Императоръ.

Съ самаго начала русскаго государства на русскомъ престолѣ былъ домъ Рюрика, который прекратился со смертію царя Өеодора Іоанновича, сына Іоанна Грознаго, въ 1598 году. Съ этого года началось тяжелое время на Руси, извѣстное подъ именемъ «смутнаго». Продолжалось оно цѣлыхъ 15 лѣтъ,—вплоть до избранія на царскій престолъ Михаила Өеодоровича Романова, что произошло 21 февраля 1613 года.

Нѣтъ возможности кратко изобразить тѣ бѣдствія, которыя выпали на долю русскаго го-

сударства въ смутную годину. Народъ не любилъ Бориса Годунова, который сталъ царемъ послѣ Θеодора Іоанновича; въ народѣ говорили, что приспѣшники Бориса, чтобы очистить ему путь къ царскому престолу, злодѣйски умертвили послѣдняго сына Грознаго, царевича Димитрія. Все царствованіе Бориса было несчастливо: на русскую землю обрушились такія общенародныя бѣдствія, какъ голодъ и моровая язва; считались они тогдашними русскими людьми наказаніемъ Божіимъ. Всѣ ждали еще худшихъ бѣдствій, и они не замедлили разразиться надъ русской землей. Стали появляться одинъ за другимъ самозванцы и русскіе люди «измалодушествовались», шли то за однимъ самозванцемъ, то за другимъ. Самозванцы эти выдавали себя за убіеннаго царевича Димитрія, будто бы спасшагося отъ руки подосланныхъ убійцъ, которые убили по ошибкѣ не царскаго сына. Этимъ-то именемъ настоящаго, природнаго наслѣдника русскаго престола и прикрывались самозванцы, вводя въ обманъ русскій народъ. Когда обманъ съ первымъ самозванцемъ, который съ именемъ Димитрія добрался до царскаго трона и, при помощи поля-

ковъ, процарствовалъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ, раскрылся, то знатные бояре московскіе выбрали въ цари Московскіе своего человѣка, изъ своей боярской среды, Василія Шуйскаго, обязавъ его при избраніи дѣлить съ ними свою царскую власть и по совѣту съ ними во всемъ поступать. Такой царь не могъ пріобрѣсти любви народной. Въ народѣ открыто говорили, что это—«боярскій царь», что большіе бояре «потаковники» царскіе, народъ обижаютъ, а рядовое дворянство изъ селъ и городовъ поддерживало народъ, и скоро Василій Шуйскій былъ низведенъ съ престола и постриженъ въ монахи. Тогда-то наступило самое несчастное время на Руси, время междуцарствія, или «безгосударное», какъ говорили тогда русскіе люди; продолжалось оно цѣлыхъ три года (съ 1610 по 1613 г.). Теперь русская земля сдѣлалась приманкой и для сосѣдей нашихъ поляковъ и шведовъ. Особенно много бѣдъ русской землѣ причинили поляки. Подготовивъ у себя въ Польшѣ перваго самозванца, Лжедимитрія I-го, поляки снабдили его вооруженными отрядами и деньгами. Когда же Лжедимитрій воцарился въ Москвѣ,

поляки неистовствовали тамъ и всячески оскорбляли русскихъ. Второй самозванецъ тоже дѣйствовалъ при помощи польскихъ пановъ (Рожинскаго и Сапѣги). Наконецъ, когда польскій король Сигизмундъ захотѣлъ самъ занять Московскій престолъ и стать Московскимъ царемъ, то польскіе и литовскіе отряды наводнили Русь, предавая все огню и мечу, грабя и неистовствуя по городамъ и селамъ. Съ ними же заодно дѣйствовали и буйныя казацкія шайки, которыя не отставали отъ поляковъ въ разореніи русской земли. «И было тогда,—говоритъ лѣтописецъ,—такое лютое время гнѣва Божія, что люди и не чаяли спасенія себѣ впереди. Чуть не вся земля русская запустѣла. И прозвали старики наши это лютое время «лихолѣтьемъ», потому что тогда была на русской землѣ такая бѣда, какой никогда не бывало: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, голодъ, моръ, гибель на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей и люди людей ѣли!... Сигизмундъ, польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли русской»...

Въ это тяжелое время, когда, казалось, приходилъ конецъ русскому государству, явились люди, которые мужественно стали на защиту родной земли и принялись за устроенiе въ ней порядка. Это были незабвенные для каждаго русскаго подвижники: патрiархъ Гермогенъ (котораго поляки уморили голодной смертью), архимандритъ Свято-Троицкой Лавры Дiонисiй и ея келарь Авраамiй Палицынъ. Они увѣщавали народъ объединиться, стать всѣмъ заодно противъ враговъ Св. Руси, постоять за вѣру и отечество. Эта горячая мольба не осталась безъ отвѣта: начиная съ Нижняго Новгорода отовсюду двинулись русскiе люди на спасенiе погибавшаго государства. Козьма Мининъ, нижегородскiй торговый человѣкъ, и князь Пожарскiй собрали громадное народное ополченiе, которое освободило Москву отъ поляковъ и спасло Русское государство.

Какъ только справились русскiе люди съ поляками, сейчасъ же стали думать одну общую думу: какъ водворить порядокъ на Руси и обезпечить всѣмъ мирный трудъ и спокойствiе, безъ чего никакое государство стоять не можетъ.

А для этого нужно, чтобы кто-нибудь былъ главою государства, кого бы всѣ слушались и кому бы всѣ одинаково подчинялись. Такимъ лицомъ можетъ быть только царь, но не боярскій, не казацкій, а выбранный «всей землей Россійской державы».

Скоро былъ созванъ и общеземскій соборъ, на которомъ «совѣтомъ всея земли» былъ избранъ на царство юный (16 лѣтъ) Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Это знаменательное событіе совершилось 21 февраля 1613 года. Избраніе было единодушное — послѣ тщательнаго обдумыванія и размышленія, послѣ трехдневнаго всеобщаго поста и усерднѣйшаго къ Богу молебствія: слишкомъ великое дѣло совершалось! Ясно было всѣмъ теперь, что спасеніе Россіи въ царѣ. И царь былъ избранъ единогласно, и въ этомъ всѣ видѣли волю Божію, о чемъ послы земскаго собора и сказали прямо новоизбранному царю. «Тебя убо, превеликій государь,—говорили они,—не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодью предъизбрали, но по праведному суду Божію сіе царское избраніе на тебѣ, великомъ государѣ, возложили»...

Почему, спрашивается, избранъ былъ не кто-нибудь другой, пожилой и опытный, а именно юноша Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ? Да потому, отвѣчаетъ одинъ талантливѣйшій русскій ученый (Ключевскій), что избранный царь былъ именно «Романовъ». Новоизбранный царь Михаилъ Өеодоровичъ принадлежалъ къ боярской фамиліи, самой любимой тогда въ Московскомъ обществѣ, пользовавшейся большимъ народнымъ расположеніемъ. Народъ особенно полюбилъ Романовыхъ, когда одна изъ нихъ, Анастасія Романовна, вступила въ бракъ съ царемъ Іоанномъ Грознымъ. Память этой царицы высоко чтилась въ народѣ: царица Анастасія, за свой кроткій нравъ, за постоянное заступничество за обиженныхъ, угнетенныхъ и обездоленныхъ считалась чуть не святою. Память этой страдалицы отъ бояръ высоко поставила въ сознаніи народномъ фамилію Романовыхъ. Не мало помогъ этому и братъ царицы Анастасіи Никита Романовичъ, который былъ тоже постояннымъ посредникомъ между народомъ и грознымъ царемъ, постояннымъ заступникомъ народнымъ, который всѣхъ привлекалъ къ себѣ своимъ

рѣдкимъ добродушіемъ и готовностью помочь въ бѣдѣ. Народъ русскій иначе и не называлъ Романовыхъ, какъ «Никитичи». Это родственно-простодушное названіе было знакомъ глубокаго уваженія и почитанія народнаго. Изъ пяти сыновей Никиты Романовича особенно выдавался своимъ умомъ, характеромъ и способностями старшій, Ѳеодоръ, впослѣдствіи извѣстный патріархъ Филаретъ.

Извѣстность въ народѣ Романовыхъ, общая къ нимъ расположенность особенно усилились отъ тѣхъ гоненій, какимъ подвергся родъ Романовыхъ въ дни Бориса Годунова и во дни «лихолѣтья».

Видя въ Романовыхъ своихъ главныхъ соперниковъ и не считая своего рода прочнымъ на престолѣ, Годуновъ принялся гнать Романовыхъ съ особенной силой. Недоброжелатели фамиліи Романовыхъ подстроили и ложное обвиненіе ихъ въ злоумышленіяхъ противъ царя. Это развязало руки Борису: не отважившись на казнь невинныхъ «измѣнниковъ», онъ спѣшно удалилъ этотъ тѣсный дружбой и родствомъ Романовскій кружокъ и разметалъ его по раз-

нымъ глухимъ концамъ сѣверной Россіи. Всѣ братья «Никитичи» были сосланы въ заточеніе, а старшій изъ нихъ, Ѳеодоръ, насильственно пострижёнъ въ монахи и тѣмъ навсегда обезвреженъ для Бориса. Такъ же было поступлено и съ супругой Ѳеодора Никитича: Ксенія Ивановна стала монахиней Марѳой. А ихъ дѣти, сынъ и будущій царь Михаилъ и дочь Татьяна, были разлучены съ родителями и сосланы въ далекій и глухой Заонежскій край. Изъ пяти сосланныхъ братьевъ Романовыхъ только двое (Иванъ и Ѳеодоръ) вернулись изъ ссылки, а трое другихъ такъ и умерли въ заточеніи. Народъ не зналъ причины этихъ гоненій, но былъ очевидцемъ такой суровой расправы Бориса съ фамиліей Романовыхъ, и это обстоятельство вызвало въ народѣ еще большее сочувствіе къ гонимому и преслѣдуемому боярскому роду.

Когда наступили тяжелые дни «лихолѣтья», то и Романовы вмѣстѣ съ другими переживали тяжелую пору, и тогда эта семья имѣла видъ гонимой и угнетенной. Глава ихъ Филаретъ, тогда уже митрополитъ, былъ въ польскомъ плѣну; жена его Марѳа и сынъ Михаилъ томились въ

Московской осадѣ, будучи очевидцами кровавыхъ схватокъ москвичей и поляковъ и сильныхъ пожаровъ на улицахъ многострадальной Москвы. Это было время самыхъ тяжкихъ лишеній и страха, когда трепещущіе за свою судьбу мать и сынъ принуждены были искать защиты за Кремлевскими стѣнами. Но вотъ, наконецъ, ополченіе Минина и Пожарскаго освободило Москву, растворились ворота Кремля, и вмѣстѣ съ другими боярами выпущены были и Романовы. Слѣдуетъ, при этомъ, отмѣтить слѣдующій знаменательный случай. Когда изъ Кремля выходилъ юный Михаилъ съ матерью, казаки хотѣли было наброситься на нихъ и убить, но ихъ защитило народное ополченіе Пожарскаго. Рука Провидѣнія, казалось, незримо сопровождала и хранила будущаго царя Михаила.

Несомнѣнно, та же рука Провидѣнія спасла Михаила Ѳеодоровича Романова, когда поляки, узнавъ объ избраніи его въ цари, хотѣли погубить его въ родовомъ имѣніи близъ Костромы, но не привели въ исполненіе своего злодѣйскаго умысла благодаря извѣстному подвигу крестьянина Сусанина, положившаго свою жизнь за царя.

Юнъ былъ Михаилъ, когда «всѣхъ чиновъ люди» провозгласили его царемъ: ему тогда не исполнилось еще и семнадцати лѣтъ. Эта ранняя юность говорила, прежде всего, о непричастности Михаила дѣламъ смутнаго времени. Всѣ бояре зрѣлаго возраста перессорились между собою, сплошь и рядомъ измѣняли долгу своему предъ родиной; всѣ они, по прекрасному выраженію инокини Мареы, матери царя, «измалодушествовались». Юный же избранникъ народный былъ совершенно чуждъ всякой вражды и козней, являлся для всѣхъ русскихъ людей представителемъ не печальнаго прошлаго, а свѣтлаго будущаго. Новоизбранный юный царь своей нравственной чистотой и незапятнанностью въ грѣхахъ смуты привлекалъ къ себѣ общую любовь. Воля тогдашнихъ русскихъ людей, измученныхъ крамолами и междоусобіями, но покаявшихся въ нихъ и очистившихъ свою совѣсть постомъ и молитвою, могла подчиниться только такому мужу, который не былъ замѣшанъ въ грѣхахъ смуты и который по своимъ нравственнымъ достоинствамъ подходилъ подъ общее тогда покаянное настроеніе. Только на такомъ мужѣ могло по-

чить благословеніе Божіе, только такой мужъ могъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ православныхъ русскихъ людей. А такимъ именно и былъ, въ народномъ представленіи, Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Изстрадавшіеся за пятнадцать лѣтъ смуты русскіе люди, избравъ царя по сердцу себѣ, «совѣтомъ всей Русской земли», сознали теперь свое единство, научились, послѣ бѣдствій «безгосударнаго» времени, цѣнить и беречь свою государственность, беречь царя какъ главную силу и опору ея.

Великій земскій соборъ, избравшій Михаила на царство, снарядилъ особое посольство въ Кострому, гдѣ тогда, послѣ Московской осады, жилъ со своею матерью Михаилъ, чтобы отъ всей русской земли торжественно просить его на царство. Долго и настойчиво отказывались инокиня Марѳа и ея юный сынъ отъ предложенной чести. «Еще Михаилъ въ несовершенныхъ лѣтахъ, говорила она, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди измалодушествовались,—давъ свои души (т.-е., присягнувъ) прежнимъ государямъ, не прямо служили. Все

государство русское отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей въ конецъ разорено». «Отецъ Михаила, Филаретъ,—прибавила Мареа,—теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненіи, и какъ свѣдаетъ король, что на Московскомъ государствѣ царемъ учинился сынъ его, то сейчасъ велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло, а Михаилу безъ благословенія отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ не быть».—«Не страшись, отвѣчали послы, за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ. А сына твоего мы избрали всею землею: хотимъ за него головы класть и кровь лить». Долго и съ заклинаніемъ упрашивалъ архіепископъ Ѳеодоритъ, бывшій во главѣ земскаго посольства, пока, наконецъ, Михаилъ съ матерью не дали своего согласія. «Если на то воля Божія, сказала она, упавъ со слезами предъ принесенными изъ Москвы иконами,—то да будетъ такъ!»

Сейчасъ же архіепископъ благословилъ Михаила, возложили на него по тогдашнему обычаю царскій наперсный крестъ и вручили цар-

скій посохъ; затѣмъ съ великою радостью отслужили благодарственный молебенъ и провозгласили многолѣтіе царю Михаилу. Послѣ этого онъ, сидя на тронѣ, сталъ принимать поздравленія. Это было 14 марта 1613 года.

19 марта новый царь двинулся, предшествуемый крестнымъ ходомъ, въ Москву. Торжественное шествіе Михаила въ Москву было радостнымъ и въ то же время скорбнымъ: радовался народъ, выходившій толпами навстрѣчу своему государю, радовался и юный царь радости своего народа. Но тутъ же на дорогѣ приходилось Михаилу видѣть страшное разореніе своей земли. Безпрестанно приходили къ нему съ жалобами люди, измученные и ограбленные воровскими шайками, которыя всюду рыскали тогда по русской землѣ. Бѣдность была кругомъ ужасная! Не было даже достаточно подводъ для царскаго поѣзда: многіе шли пѣшкомъ. Не могли даже къ царскому пріѣзду приготовить хоромы въ Кремлѣ, и бояре говорили царю, что тѣхъ хоромъ скоро отстроить нельзя, да и нечѣмъ: «денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хоромы всѣ безъ кровли; лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ; надо

дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть».

Торжественно, съ крестнымъ ходомъ встрѣтили москвичи своего царя; многіе отъ умиленія плакали, другіе громко благословляли царя. Помолившись въ Успенскомъ Соборѣ и поклонившись гробамъ прежнихъ царей въ Архангельскомъ Соборѣ, Михаилъ вошелъ въ сравнительно уцѣлѣвшія комнаты царя Іоанна Грознаго, а Мароа, благословивъ сына, удалилась въ Вознесенскій монастырь.

11 іюля было торжественное вѣнчаніе на царство, въ началѣ котораго царь Михаилъ, обратившись къ митрополиту, сказалъ: «По Божіей милости и по вашему и всякихъ чиновъ Московскаго государства избранію, благословите и вѣнчайте насъ на наше государство царскимъ вѣнцомъ по прежнему царскому чину и достоянію».

Вѣнчавшись на царство, царь Михаилъ принялся за трудное дѣло успокоенія государства. Такого ужаснаго разоренія, въ какомъ засталъ русскую землю юный Михаилъ при вступленіи на престолъ, не терпѣла она со временъ татар-

скихъ погромовъ. Враги безпощадно терзали ее и по окраинамъ, и внутри. Польша силилась посадить своего королевича на русскій престолъ, а шведскій король прочилъ на него своего брата. Внутри государства всюду рыскали шайки лихихъ людей, разбойниковъ и казаковъ, которые грабили все, что попадалось, выжигали деревни, безпощадно мучили, били и убивали жителей, вымогая отъ нихъ послѣднія крохи уцѣлѣвшаго достоянія. Множество городовъ и деревень было выжжено до тла; почти вся Москва лежала въ развалинахъ. Промыслы и торговля совсѣмъ почти прекратились. Голодъ былъ почти повсемѣстный. Крайняя, безъисходная нищета давила народъ. Разорились за это смутное время и служилые люди (дворяне); да, кромѣ того, при постоянной тревогѣ и насиліяхъ, все больше и больше теряли чувства справедливости и чести, «измалодушествовались», какъ мѣтко выразилась царица-мать, инокиня Марѳа.

По своей молодости и неопытности юный царь, конечно, не могъ обойтись безъ помощи и руководства. Несмотря на молодость и неопытность, несмотря на недостатки лицъ, пер-

вое время управлявшихъ его именемъ (таковы были Салтыковы, родственники царя), Михаилъ Θеодоровичъ былъ какъ царь силенъ,—силенъ любовью народной. Народъ видѣлъ въ царѣ оплотъ противъ страшнаго безначалія и смуты; царь же видѣлъ въ народѣ, возведшемъ его на престолъ, твердую опору для себя. Связь между царемъ и народомъ была крѣпка; въ этомъ заключалась и сила, и спасеніе русской земли. Царь Михаилъ понималъ это и правилъ, поэтому, съ постоянной помощью выборныхъ земскихъ людей, земскаго собора. Этотъ земскій соборъ дѣйствовалъ въ Москвѣ постоянно въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ и помогалъ царю Михаилу во всѣхъ важныхъ и трудныхъ дѣлахъ. Дѣло устроенія государства началось съ уничтоженія казацкихъ и воровскихъ шаекъ. Особенно велики были шайки казацкаго атамана Заруцкаго, который послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ бѣжалъ съ женой перваго самозванца (Лжедимитрія), Мариной Мнишекъ, на Волгу, захватилъ тамъ Астрахань и думалъ было устроить особое казацкое государство подъ покровительствомъ персидскаго шаха. Изъ Москвы

послали противъ Заруцкаго войско, а астраханцы, возмутившись жестокостями и насиліями атамана, прогнали его на Уралъ, гдѣ настигли его Московскія войска и захватили въ плѣнъ. Марину посадили въ тюрьму, а сына ея,—котораго казаки величали «царевичемъ», а русскіе люди «воренкомъ», — вмѣстѣ съ Заруцкимъ казнили. Казаки же разбѣжались и разсѣялись. Другой атаманъ «воровскихъ» казаковъ Баловень повелъ ихъ было на самую Москву въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, но воевода князь Лыковъ быстро справился съ этой разбойничьей ордой, разбилъ ее и совсѣмъ уничтожилъ. Особенно много зла причиняли пришлые литовско-польскіе разбойники, во главѣ которыхъ стоялъ Лисовскій. Онъ со своими шайками всякаго сброда быстро появлялся то въ одномъ мѣстѣ государства, то въ другомъ, всюду грабилъ и убивалъ. Только смерть Лисовскаго избавила русскихъ людей отъ злодѣя, войска же никакъ не могли поймать его.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій удалось справиться съ «ворами» и водворить спокойствіе и безопасность въ русской землѣ.

Въ то же самое время, какъ очищали Русь отъ внутреннихъ враговъ, шла борьба со шведами и поляками. Шведы забрали старинный Новгородъ съ окрестными городами и требовали, чтобы новгородцы присягнули на вѣрность шведскому королю. Борьба со Швеціей кончилась тѣмъ, что шведы все-таки вернули русскимъ Новгородъ, а русскіе уступили шведамъ Финское побережье.

Поляки со своимъ королемъ Сигизмундомъ ни за что не хотѣли признавать Михаила Ѳеодоровича законнымъ царемъ и мечтали попрежнему посадить на Московскій престолъ или Сигизмунда, или его сына Владислава. Владиславъ предпринялъ даже большой походъ на Москву, но былъ отбитъ. Съ Польшей было заключено перемиріе на 14 лѣтъ, при чемъ поляки обязались вернуть изъ плѣна отца царя, митрополита Филарета.

Лѣтомъ 1619 года возвратился изъ плѣна въ Москву Филаретъ Никитичъ (Романовъ). Встрѣча его съ сыномъ-царемъ была очень трогательна. Когда Филаретъ приблизился къ Москвѣ, то царь Михаилъ, въ сопровожденіи духовенства,

бояръ и множества народа вышелъ за городъ на встрѣчу отцу. Девять лѣтъ они не видали другъ друга и, наконецъ, встрѣтились. Царь Михаилъ упалъ въ ноги отцу, Филаретъ сдѣлалъ то же предъ царемъ, и оба долго проливали слезы радости. Народъ съ необычайнымъ восторгомъ встрѣчалъ знаменитаго страдальца и своего стараго любимца «Никитича». Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Филаретъ возведенъ былъ въ санъ патріарха Всероссійскаго. Такъ какъ царь Михаилъ былъ еще очень молодъ и неопытенъ, да, кромѣ того, злые люди злоупотребляли его мягкимъ характеромъ («былъ онъ, по словамъ современника, тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ»), то патріархъ Филаретъ принялъ ближайшее и дѣятельное участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ и былъ опытнымъ руководителемъ царя Михаила до самой своей смерти. Безъ него царь Михаилъ не рѣшалъ ни одного важнаго дѣла. Интересно, что Филаретъ именовался, подобно царю, «государемъ». Во всѣхъ грамотахъ и указахъ того времени писалось такъ: «Государь, царь и великій князь Михаилъ всея Россіи и великій государь

святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи».

Съ пріѣздомъ патріарха Филарета началась усиленная дѣятельность правительства по установленію порядка внутри государства. Былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы прекратить всякія злоупотребленія и неправды, установить всюду законъ и правду, увеличить средства государства и мало-по-малу облегчить народъ отъ тягостей.

Въ Москву то и дѣло приходили жалобы со всѣхъ сторонъ, жалобы на разореніе—нищету, на то, что съ той или съ другой волости взять нечего, что «земля пуста стоитъ», а крестьяне «разбрелись розно». По совѣту патріарха-отца царь Михаилъ приказалъ сдѣлать общую перепись государству, чтобы знать, гдѣ сколько народу осталось послѣ «лихолѣтья» и кто чѣмъ живетъ. Рѣшено было, что только по имуществу и заработку слѣдуетъ налагать подати и пошлины. Послали особыхъ «дозорщиковъ» и «писцовъ» со строгимъ наказомъ, чтобы они «описали все вправду, безъ посуловъ», остановили бы безпрестанные переходы крестьянъ отъ одного

владѣльца къ другому, «сыскивали бы про всякія обиды и разоренія, чтобы всякія нужды, притѣсненія и всякіе недостатки царю были вѣдомы, и государь бы съ патріархомъ начали промышлять, чтобы все поправить, какъ лучше».

Особенно много было жалобъ на притѣсненія и неправды воеводъ и приказныхъ людей, которые злоупотребляли своей властью, брали взятки, чинили насилія. Царской грамотой строго было запрещено брать «посулы и поминки» съ посадскихъ людей и крестьянъ, гонять ихъ на свои работы. А кто изъ воеводъ позволитъ взять себѣ, съ того брать двойную пеню противъ несправедливо взятаго. Кромѣ того, въ отдаленныхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ воеводы, въ надеждѣ на безнаказанность, продолжали самоуправство и насилія, населенію было предоставлено самимъ выбирать себѣ вмѣсто воеводъ земскихъ старостъ, которые «были бы душою прямы, имѣніемъ пожиточны и грамотѣ умѣли бы». Наконецъ, въ Москвѣ былъ устроенъ особый «приказъ», гдѣ довѣренные царя и патріарха разсматривали всѣ дѣла объ обидахъ и насиліяхъ тогдашнихъ «сильныхъ» людей.

Вообще, много во всемъ помогъ Филаретъ своему сыну царю Михаилу. Лѣтопись говоритъ про патріарха Филарета, что онъ «не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ; многихъ освободилъ отъ насилія; при немъ никого не было изъ сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей».

Много пришлось потрудиться патріарху Филарету, чтобы привести въ порядокъ и дѣла церковныя, которыя въ смутное время «лихолѣтья» пришли въ большое разстройство: церкви были разорены, духовенство частію разогнано, частію совсѣмъ погублено. На мѣстѣ разрушенныхъ церквей строились новыя; монастырямъ, разореннымъ и обнищалымъ, давались лѣса и угодья. Особенно ревностно заботился патріархъ о печатаніи и исправленіи богослужебныхъ книгъ. Печатное дѣло въ смутное время совсѣмъ прекратилось, — теперь его вновь завели и книги печатали, тщательно ихъ исправляя. Патріархъ указалъ архіереямъ, чтобы они для подготовки священниковъ устраивали при своихъ дворахъ особыя училища. Наконецъ, царь и патріархъ всячески старались исправить

нравы духовенства и народа; возставали противъ пьянства и всякаго безчинства, запрещали грубыя потѣхи, кулачные бои, которые часто оканчивались смертью, и т. д. Русскіе люди за безгосударное время нравственно очень испортились. Нужны были строгія мѣры и твердая рука, чтобы окоротить распустившихся людей, и Филаретъ былъ строгъ и суровъ съ людьми порочной жизни, невзирая на ихъ знатность.

Много добра сдѣлалъ Филаретъ, чтобы помочь Русской землѣ, потрясенной смутой, хоть сколько-нибудь оправиться и придти въ прежнюю силу; нужно было возстановить все порушенное, укрѣпить все расшатанное, привести все къ порядку. Когда въ 1633 году патріархъ Филаретъ скончался, то Московское государство было уже значительно упорядоченнымъ, и жизнь государственная и народная вполнѣ наладилась.

Такъ какъ казна царская при воцареніи Михаила Θеодоровича была совершенно пуста, то царь и патріархъ всячески заботились объ ея пополненіи. Царскимъ указомъ было постановлено, чтобы служилые люди (дворяне) и всѣ жившіе въ посадахъ несли «тягло», т. е исполняли

бы всѣ повинности наравнѣ съ прочими простыми людьми. Установлены были сборы съ таможенъ, питейныхъ и торговыхъ заведеній. Какъ ни тяжелы были эти налоги, но безъ нихъ нельзя было русскому государству оправиться и собраться съ силами. Чтобы оживить торговлю, разрѣшили англичанамъ и голландцамъ, дружелюбно къ намъ относившимся, торговать въ Россіи. Торговля, дѣйствительно, оживилась, и въ государствѣ появилось много иностранныхъ денегъ. Вмѣстѣ съ иностранными купцами приглашались изъ чужихъ дружественныхъ земель всякіе знающіе люди. Нужно было, прежде всего, устроить войско, и вотъ въ Москвѣ появились иноземные офицеры на русской службѣ, которые устраивали цѣлые полки «солдатъ» и «драгунъ» (эти названія раньше не употреблялись на Руси). Свѣдущимъ людямъ изъ иностранцевъ было поручено разрабатывать золото и серебро, мѣдь и желѣзо, устраивать заводы оружейные и литейные (напр., въ г. Тулѣ) и т. п.

Всѣ эти мѣры дали возможность царю Михаилу собраться съ силами и отвѣтить, наконецъ, вооруженною рукою самому злому и не-

примиримому врагу—Польшѣ. Королевичъ польскій попрежнему не думалъ отказываться отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ, а польское правительство не признавало Михаила русскимъ царемъ. Въ свою очередь, патріархъ такъ говорилъ по одному случаю о полякахъ: «сынъ мой (т.-е. царь Михаилъ) велѣлъ заключить перемиріе съ поляками только для меня; между моимъ сыномъ и польскимъ королемъ сношенія и любви нѣтъ; неправды ихъ и Московскаго разоренія забыть намъ нельзя». Цѣлыхъ 10 лѣтъ готовилась Москва къ войнѣ, и на соборѣ царь и патріархъ рѣшили начать войну; рѣшено было отобрать у поляковъ русскіе города (главнымъ образомъ, Смоленскъ). Война закончилась тѣмъ, что Владиславъ навсегда отказался отъ Московскаго престола и съ Польшей былъ заключенъ «вѣчный миръ».

Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ процарствовалъ 32 года и умеръ въ день своихъ именинъ 12 іюля 1645 года. Кроткій, добрый и ласковый царь удостоился «христіанской кончины живота своего, непостыдной и мирной».

Таково было царствованіе перваго царя изъ

дома Романовыхъ. Мы видѣли, что не самъ добивался царства Михаилъ Өеодоровичъ, что, напротивъ, всѣми силами отказывался отъ тяжелаго и отвѣтственнаго жребія царскаго служенія, что онъ былъ вынужденъ подчиниться голосу единодушнаго всенароднаго избранія, глубоко вѣруя, что это избраніе есть дѣло Божіе.

Народъ же русскій, избирая скромнаго юношу на царство, руководился больше всего сознаніемъ, что орудіемъ воли Божіей должно быть лицо чистое и незапятнанное въ грѣхахъ смуты.

Народъ зналъ фамилію Романовыхъ, своихъ заступниковъ и печальниковъ и общихъ съ народомъ страдальцевъ, и, избравъ юнаго потомка «Никитичей», пріобрѣлъ въ царѣ Михаилѣ и его отцѣ, Филаретѣ Никитичѣ, истинныхъ радѣтелей о благѣ народа русскаго.

Послѣ Михаила Өеодоровича русское государство опять вошло въ силу и стало расти и развиваться на тѣхъ же исконныхъ началахъ, которыми было крѣпко и раньше: на любви къ царю, державному хозяину земли русской, на любви къ вѣрѣ православной, которая подобно цементу въ тяжелую послѣднюю минуту «лихо-

лѣтья» объединила русскихъ людей, и на любви къ русской народности, столькими жертвами отстоявшей себя въ смутную годину.

Да будетъ же навѣки благословенна память перваго царя изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича и его мудраго помощника и руководителя патріарха Филарета—«Никитича».
